

В.В. Дементьева

ОБЪЕМ ПОЛНОМОЧИЙ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДЕЦЕМВИРОВ

Децемвират, политическое существование которого завершило в середине V в. до н.э. первую фазу формирования республиканской государственно-правовой системы Рима¹, представлял собой коллегия высших должностных лиц *sum imperio*. Источники определенно характеризуют децемвинов как носителей империя. Приведем в сжатом виде соответствующие свидетельства: это формула в консульских фастах – *decemviri consulari imperio legibus scribundis* (CIL. I. P. 16), четкое определение Цицероном полномочий децемвинов как высшего империя – *summum imperium*², понимание Ливием перехода власти от консулов к децемвирам как передачи империя – *ab consulibus ad decemviros... translato imperio* (III. 33. 1), подтверждение этого в словах императора Клавдия – *a consulibus ad decemviros translatum imperium* (ILS. 212), указание Варрона на наличие у последних *imperium consulare* (в изложении Авла Геллия)³.

Обладание децемвинов империем, вполне определенно, как видим, засвидетельствованное античной традицией, признается историографией. Это утверждение не относится к числу дискуссионных проблем, в отличие, например; от вопроса о наделении империем интеррекса или консульрных военных трибунов⁴. Но им (да еще поспешным признанием невозможности провокации на их приговоры при дискуссионности вопроса о правовом оформлении в рассматриваемое время самой этой процедуры), пожалуй, и ограничивается единодушие историков в отношении характера полномочий данных магистратов и объема их компетенции. Поэтому рассмотрим вопрос подробно.

Античная традиция фокусирует внимание также на том, что децемвирам была передана вообще высшая магистратская или консульская власть. Более того, нередко эта власть приравнивается к царской, либо диктаторской. Так Дионисий Галикарнасский отмечает, что они получили власть над всеми в государстве, которую имели консулы, а ранее – цари⁵. Лионская надпись определяет их полномочия выражением *regnum decemvirale* – неограниченная власть (царское правление, владычество) децем-

¹ См. об этом: Дементьева В.В. Причины создания и целевое назначение децемвирата // ВДИ. 2001. № 4. С. 46–65.

² *Cic. De rep. II. XXXVI. 61: atque ut Xviri maxima potestate sine provocatione crearentur, qui et summum imperium haberent...* – «...и чтобы были избраны децемвиры, облеченные величайшей властью и избавленные от возможности провокации, и чтобы они обладали высшим империем...» (пер. В.О. Горенштейна).

³ *Gell. N.A. XIV. 7. 5: item decemviro, quibus imperium consulare tum esset* – «...равным образом и децемвиры, у которых тогда был консульский империй».

⁴ См. Дементьева В.В. Римское республиканское междуцарствие как политический институт. М., 1998. С. 82–93; она же. Проведение римским интеррексом консульских выборов // ВДИ. 2000. № 1. С. 41–56; она же. Объем полномочий римских консульрных военных трибунов // ВДИ. 2000. № 4. С. 41–59; она же. Римская магистратура военных трибунов с консульской властью. М., 2000. С. 97–121.

⁵ *Dionys. X. 55. 4: ἐξουσίαν ἔχοντας ὑπὲρ πάντων τῶν κατὰ τὴν πόλιν ἢν εἶχον οἱ τε ὑπάτοι καὶ ἐτι πρότερον οἱ βασιλεῖς...* – «власть имея над всеми в полисе, как се имели консулы, а ранее – цари...».

винов (ILS. 212). Помпоний называет их власть *ius in civitate summum* – высшая власть в гражданской общине⁶. Плутарх в «Римских вопросах» отмечает проконсульскую («в качестве консульской») власть коллегии десяти⁷. Сохраняют представление о консульской власти децемвиров и поздние авторы. Орозий пишет: *potestas consulum decemviris tradita* (Adv. pag. II. 13. 1–2). Евтропий употребляет по отношению к децемвирам выражение *summam potestatem haberent* (I. 18), а Аврелий Виктор характеризует их власть как верховную через понятие *dominatio* – господство (De vir. ill. XXI. 2). Иоанн Зонара называет децемвиров стратегами-автократорами (στρατηγῶν αὐτοκράτορες – VII. 18), т.е. применяет к ним термин, традиционно использовавшийся греческими авторами для обозначения римских диктаторов⁸.

Согласно античной традиции (и в этом показания источников опять-таки не расходятся), в период правления децемвиров не было других магистратов с империем. Из текста Ливия следует, что власть перешла от консулов к децемвирам⁹. То же утверждение о передаче власти от консулов к децемвирам содержится в речи императора Клавдия в сенате (ILS. 212). По Дионисию, остальные магистраты лишились власти, пока ее исполняли децемвиры – *τάς τ' ἄλλας ἀρχάς πάσας καταλέλυσθαι, τῶς ἂν οἱ δέκα τύχῃσι τῆς ἀρχῆς* (X. 55. 4–5). Согласно Цицерону, консулы и плебейские трибуны предварительно ушли в отставку со своих должностей – *et consules et tribuni pl. magistratu se abdicarent* (De rep. II. XXXVI. 61). В диалоге «О законах» Цицерон пишет даже об уничтожении власти плебейских трибунов (Leg. III. 19). Луций Ампелий сообщает об абдикации всех магистратов¹⁰. Иоанн Лид также свидетельствует, что все должностные лица удалились и забота об управлении государством была передана только десяти мужам¹¹. Иоанн Зонара тоже подчеркивает отсутствие при децемвирах других носителей власти, в том числе плебейских трибунов¹². Представление о том, что децемвиры обладали неограниченными полномочиями, сохранялось не только в античной и постантичной историографии, довольно долго оно существовало и в римском общественном сознании. Во всяком случае, когда в период консульства Цицерона плебейские трибуны предлагали возродить децемвират, они, согласно Плутарху, намеревались предоставить коллегии десяти власть автократоров¹³.

Сведенные нами воедино сообщения источников наглядно свидетельствуют о понимании римлянами компетенции децемвиров как высшей магистратской власти. То, что нередко она называется консульской (хотя до децемвирата в качестве первой высшей республиканской должности, по нашему мнению, существовала первоначальная претура), не заставляет нас считать информацию античной традиции

⁶ Pomp. Enchir. = D. I. 2. 2. 4: *datumque est ius eo anno in civitate summum...* – «...и на тот год им дана была высшая власть в гражданской общине...».

⁷ Plut. Quaest. Rom. 55. 277 F: *ὑπὸ τῆς ἀντιπατικῆς δεκαδαρχίας*.

⁸ Дементьева В.В. Магистратура диктатора в ранней Римской республике (V–III вв. до н.э.). Ярославль, 1996. С. 39; она же. Закон о введении магистратуры диктатора в римскую конституцию // Антикведение и медиевистика. Ярославль, 2001. Вып. 3. С. 29.

⁹ Liv. III. 33. 1: *Anno trecentesimo altero quam condita Roma erat iterum mutatur forma civitatis, ab consulibus ad decemviros, quemadmodum ab regibus ante ad consules venerat, translato imperio* – «В триста втором году от основания Рима опять переменилась форма государства: империй был передан от консулов децемвирам, как прежде он перешел от царей к консулам.»

¹⁰ Ampel. 29. 2: *Deinde tribunicis seditionibus agitatus abdicatis omnibus magistratibus decemviros legum ferendarum et rei publicae constituendae causa paravit* – «Затем, обеспокоенный мятежами трибунов, когда все магистраты ушли в отставку, учредил децемвиров для внесения законов и устройства государства.»

¹¹ Lyd. De mag. I. 34: *πάντες μὲν οἱ ἀρχόντες ἐκινήθησαν, δέκα δε μόνους ἀνδράσι τὴν φροντίδα τῆς πολιτείας παρέδοσαν* – «Все магистраты ушли в отставку, и одним только десяти мужам была передана забота об управлении государством.»

¹² Zon. VII. 18: *καὶ κομισθέντων αὐτῶν τὰς τε ἄλλας ἀρχάς καὶ τὰς τῶν δημάρχων κατέλυσαν...* – «получив власть, они ликвидировали остальные магистратуры и должности плебейских трибунов...».

¹³ Plut. Cic. XII: *νόμους εἰσήγον οἱ δήμαρχοι..., δεκαδαρχίαν καθιστάντες ἀνδρῶν αὐτοκράτορων...* – «вносили законы и плебейские трибуны, предлагая учредить власть десяти мужей-автократоров...».

о децемвирате недостоверной, как это утверждает Дитер Флах¹⁴, поддерживающий теорию ординарной диктатуры в качестве исходной формы правления Римской республики¹⁵. На наш взгляд, античные авторы употребляли понятие «консульская власть» применительно к полномочиям децемвиров именно в значении высшая исполнительная коллегиальная власть, как нередко они делали это, ведя речь, например, о консулярных военных трибунах. Иначе говоря, античные писатели использовали его как синоним понятия «власть высших коллегиальных магистратов».

В качестве носителей империя децемвиры были наделены инсигниями высших должностных лиц, в первую очередь ликторами с фасками. Число ликторов Ливий определяет в 12 человек¹⁶, т.е. оно соответствовало количеству таковых у консулов последующего времени¹⁷. В правление первой коллегии только один из десяти ее членов в каждый конкретный момент имел инсигнии (Liv. III. 36. 3). Когда вторые децемвиры попытались узурпировать власть, каждый из них окружил себя двенадцатью ликторами, так что одновременно их на форуме появлялось 120 человек, к тому же державших наголове секиры (Liv. III. 36. 4; Dionys. X. 59), «символ неограниченной власти над жизнью и смертью»¹⁸.

Составляя коллегию магистратов с империем, децемвиры должны были осуществлять вытекавшие из него полномочия поочередно, в силу «недробимости» империя. Следовательно, неизбежно существовала некая периодичность передачи *fascēs*. Какой она была – на этот вопрос исследователи отвечали по-разному. Согласно гипотезе Бартольда Нибура, коллегия десяти уподоблялась декурии сенаторов при *interregnum*, когда каждый ее член исполнял обязанности высшей власти в течение пяти дней¹⁹. Одновременно с трактовкой Б. Нибура, в начале XIX в., появилась иная точка зрения: что децемвиры правили, ежедневно сменяясь в роли носителей империя²⁰. И тот, и другой взгляд нашли приверженцев в последующей историографии. Например, ежедневное чередование во власти считал реальным И.В. Нетушил, на взгляд которого остальные девять децемвиров находились в положении плебейских трибунов²¹. Наоборот, пятидневный отрезок времени пребывания у власти по очереди каждого децемвира принимал Вильгельм Вегнер, полагавший, что тем самым достигалась справедливость решений магистратов: на распоряжение предшественника можно было апеллировать к его преемнику, «который принимал в расчет всякое основательное возражение»²².

Прочитаем внимательно сообщения источников. Ливий говорит только о том, что раз в десять дней каждый из децемвиров был председателем на суде – *decimo die ius populo singuli reddebant* (III. 33. 8). Фридрих Любкер полагал, что эти слова Ливия можно трактовать как наделение высшей властью каждого последовательно либо на де-

¹⁴ Flach D. Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar. In Zusammenarbeit mit Stefan von der Lahr. Darmstadt, 1994. S. 105.

¹⁵ См. подробнее: Дементьева В.В. Рец. на кн.: Flach D. Die Gesetze der frühen römischen Republik. Text und Kommentar. Darmstadt, 1994 // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1999. № 2 (5). С. 215–220.

¹⁶ Liv. III. 33. 8: *Decimo die ius populo singuli reddebant. Eo die penes praefectum iuris fascēs duodecim erant: collegis novem singuli accensī arparebant* – «Раз в десять дней каждый из децемвиров председательствовал на суде, происходившем при всем народе, имея при себе двенадцать ликторов, тогда как девяти его товарищам причиталось по одному служителю» (пер. Г.Ч. Гусейнова).

¹⁷ Becker W. Handbuch der Römischen Alterthümer. Lpz., 1846. S. 136; Mommsen Th. Römisches Staatsrecht. Bd I. Lpz., 1887. S. 382.

¹⁸ Ihne W. Römische Geschichte. Bd 2. Lpz., 1870. S. 180.

¹⁹ Niebuhr B. Römische Geschichte. B., 1853. S. 526–527.

²⁰ Гольдсмит. История римская до падения Западной Римской империи. Ч. 1. СПб., 1815. С. 190.

²¹ Нетушил И.В. Очерк римских государственных древностей. Государственное устройство Рима. Вып. 1. Харьков, 1894. С. 168.

²² Вегнер В. Рим. История и культура римского народа для любителей классической древности и для самообразования. СПб., 1902. С. 142.

сять дней, либо на один день²³. Они могут означать ежедневную передачу империя только в том случае, если судебное заседание проходило каждый день, что сомнительно. Дионисий Галикарнасский информирует нас о нескольких днях, в течение которых каждый из децемвиров осуществлял верховную власть, но никакое число их не называет²⁴. И только Иоанн Зонара конкретно говорит о том, что они сменялись у руля высшей власти ежедневно²⁵. Хотя Зонара автор очень поздний, византийский, тем не менее он доносит до нас сведения об изучаемом времени, главным образом из несохранившихся книг Диона Кассия, и к тому же имеет репутацию добросовестного историка. Других данных по этому вопросу в античной традиции нет.

Таким образом, мы видим, что уподобление срока полномочий каждого отдельного децемвира времени нахождения у власти одного интеррекса носит чисто умозрительный характер и реальной опоры в источниках не имеет. Остается либо признать достоверность информации Зонары, почерпнутой им у Диона Кассия, либо предположить, что срок исполнения обязанностей, вытекавших из империя (так же как и последовательность перехода их от одного члена коллегии к другому), определялся по соглашению или жребию в виде месячного или однодневного, как впоследствии у консулов и военных трибунов с консульской властью.

Безоговорочное отнесение децемвиров к числу магистратов *sum imperio* не снимает вопросов о том, с какими из других высших должностных лиц Рима следует сблизить их политико-правовое положение и была ли их должность ординарной или чрезвычайной. Диапазон исследовательского поиска наиболее близких децемвирату аналогий в римской политической системе весьма широк и любопытен разницей угла зрения на предмет. А. Шwegler полагал, что империй децемвиров по характеру был таким же, как империй консулов в ходе военных действий, в сфере *militiae*²⁶. Т. Моммзен предлагал в качестве аналогии сулланскую или цезарианскую диктатуру, либо даже триумвират 43 г. до н.э., поскольку, так же как в названных случаях, правление коллегии десяти представляло собой «чрезвычайным образом конституированную власть»²⁷. Этот подход впоследствии получил поддержку видных романистов²⁸, но еще современник Т. Моммзена Л. Ланге, не соглашаясь с такой оценкой, считал, что полномочия децемвиров были тождественны царским²⁹. В отличие от Л. Ланге те авторы, которые хронологически продлевали царскую эпоху до введения децемвирата (К. Ханелль, Э. Гьерстад³⁰), противопоставляли магистратуру децемвиров как республиканскую ранней монархии, хотя отрицали между ними временной зазор.

На наш взгляд, прежде чем сблизать децемвират с любым иным органом власти, следует четко ответить на вопрос о характере этой магистратуры. Позиция исследователей по нему зависит от понимания ими причин возникновения и целевого назначения коллегии децемвиров. Направление, основателем которого был Б. Нибур, трактующее появление децемвирата как реорганизацию государственной системы³¹, ха-

²³ Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. Вып. 3–4. СПб., 1884. С. 374–375 (перезид.: Т. 1. М., 2001. С. 414–415).

²⁴ *Dionys. X. 57:...* τὴν ἡγεμονίαν παραλαμβάνοντος εἰς συγκεκριμένον τινα ἡμερῶν ἀριθμὸν – «...беря руководство на некоторое оговоренное количество дней».

²⁵ *Zon. VII. 18: ἡρέαν τε οὗτοι ἐφ' ἡμέραν ἕκαστος, ἐναλλάξ τὸ πρόσχημα τῆς ἡγεμονίας λαμβάνοντες* – «Они властвовали каждый по одному дню, поочередно беря инсигнии высшей власти».

²⁶ *Schwegler A. Römische Geschichte. Bd 3. Tübingen, 1858. S. 25.*

²⁷ *Mommsen Th. Abriss des römischen Staatsrecht. Lpz, 1893. S. 188–189.*

²⁸ См., например: *Kaser M. Römische Rechtsgeschichte. Göttingen, 1978. S. 98.* Интересно, что к этому выводу приближаются современные отечественные исследователи, в частности, А.В. Еремин считает, что «децемвират и диктатура Суллы имели много общего» (*Еремин А.В. Диктатура Луция Корнелия Суллы: характеристика института // Античное государство: Политические отношения и государственные формы в античном мире. Сб. статей / Под ред. Э.Д. Фролова. СПб., 2002. С. 117.*)

²⁹ *Lange L. Römische Alterthümer. Bd 1. B., 1876. S. 624–625.*

³⁰ *Hanell K. Das altrömische Eponyme Amt. Lund, 1946. S. 165; Gjerstad E. The Origins of the Roman Republic // Entretiens sur l'antiquité classique. 1967. V. 13. P. 22–27.*

³¹ *Niebuhr B.G. Römische Geschichte. B., 1812. S. 107–144; 3. Aufl. B., 1853. S. 526–539, 553.*

рактирует его в качестве ординарной магистратуры. Другое направление, берущее начало от Т. Моммзена, рассматривает децемвират в качестве экстраординарного органа власти³². Мы уже обосновывали в специальной статье, что именно второй подход позволяет создать логически непротиворечивую историческую модель децемвирата, учитывающую весь комплекс источниковой информации о нем³³. В свою очередь, признавая коллегия десяти мужей чрезвычайной магистратурой, мы неизбежно должны отказаться от сближения ее с органами системы ординарной власти. Но, обращая в поисках аналогий взоры на чрезвычайные структуры, мы, не отрицая определенной общности децемвирата с сулланской и цезарианской диктатурами, так же как и с триумвиратом *rei publicae constituendae*, все же полагаем, что еще теснее он связан с органами чрезвычайной власти ранней Республики – диктатурой и консульским трибуналом. Если со вторым его сближает коллегияльность и годичность полномочий, а также избрание, а не назначение должностных лиц, то с первой – отсутствие провокации и трибунской интерцессии на решения магистратов. Те различия, которые находит между раннереспубликанской диктатурой и децемвиратом Н.В. Чеканова, – первоначально исключительно военный характер диктатуры и большая авторитарность децемвирата³⁴ – усмотреть может только непросвещенный взгляд, мы же их отрицаем.

Итак, мы назвали самое заметное сходство раннереспубликанской диктатуры с децемвиратом – невозможность обжаловать в народном собрании действия носителей империя в отношении судебных приговоров гражданам. Показания источников об этом однозначны. Ливий неоднократно подчеркивает их статус *sine provocatione* (III. 32. 6; 36. 4; 41. 7). В частности он говорит, например: «Постановлено было избрать децемвиров без допущения провокации и никаких других магистратов в этом году не иметь»³⁵. Весьма определенно высказывается по этому поводу Цицерон: «...и чтобы были избраны децемвиры, наделенные величайшей властью без подчинения провокации»³⁶. Подтверждают изъятие децемвиров из сферы действия права провокации Помпоний³⁷ и Зонара³⁸. Естественно, что при таком совпадении сведений источников наблюдается, как было отмечено в начале статьи, поверхностное единодушие по этому вопросу в историографии³⁹. Однако проблема кроется глубже, и состоит она в том, существовало ли вообще в период функционирования децемвирата законодательно оформленное право провокации к народному собранию на решения магистрата, касавшиеся сурового наказания граждан.

³² *Karlowa O. Römische Rechtsgeschichte. Lpz., 1885. S. 103; Schiller H., Voigt M. Die römischen Staats-, Kriegs- und Privataltertümer. Nördlingen, 1887. S. 504; Зиновьев А. Римские древности. Описание общественной и частной жизни древних римлян. М., 1884. С. 76; Lange. Op. cit. S. 915; Siber H. Römisches Verfassungsrecht in geschichtlicher Entwicklung. Lahr, 1952. S. 77; Маяк И.Л. Римляне ранней Республики. М., 1993. С. 60 и др.*

³³ Деметтьева. Причины создания и целевое назначение децемвирата... С. 63–65.

³⁴ Чеканова Н.В. Эволюция системы триумвирата в Риме при переходе от республики к империи. Учеб. пособие. Ярославль, 1992. С. 26–27.

³⁵ *Liv. III. 32. 6: Placet creari decemviro sine provocatione, et ne quis eo anno alius magistratus esset.*

³⁶ *Cic. De rep. II. XXXVI. 61: atque ut Xviri maxima potestate sine provocatione crearentur.* См. также II. XXXI. 54: *...et quod proditum memoriae est, Xviro, qui leges scripserint, sine provocatione creatos...* – «...и повествование передает, что децемвиры, которые составили законы, были избраны без подчинения провокации...».

³⁷ *D. I. 2. 2. 4: ...neque provocatio ab eis sicut a reliquis magistratibus fieret* – «...и провокация не осуществлялась по отношению к ним, как к другим магистратам».

³⁸ *Zon. VII. 18: ...μηδὲ μὴ τὰ δίκην ἐφέστων ἀπ' αὐτῶν γενέσθαι προσεψήφισατο...* «...никакое судебное решение, исходившее от них, не допускало обжалования посредством голосования народа...».

³⁹ См., например: *Madvig I. Die Verfassung und Verwaltung des römischen Staates. Bd I. Lpz., 1881. S. 499; Karlowa. Op. cit. S. 104; Jones Stuart H. The Early Republic. The Decemvirate and The Twelve Tables // CAH. V. VII. Cambr., 1928. P. 459; Fritz K. von. The Theory of the Mixed Constitution in Antiquity. N.Y., 1954. P. 134; Werner R. Der Beginn der römischen Republik. München – Wien, 1963. S. 280; Jones A.H.M. History of Rome through the Fifth Century. V. 1. The Republic. N.Y., 1968. P. 34; Poma G. La valutazione del decemvirato nel *De republica* di Cicerone // RSA. 1976–1977. V. 6/7. P. 137.*

Первым, кто создал концепцию провокации как важного элемента конституционного устройства Рима, был Теодор Моммзен⁴⁰, который, по словам Йохена Бляйкена, «предпринял, без сомнения, гениальную попытку объяснить провокацию и определить ей центральное и прочное место в его государственной и уголовно-правовой системе»⁴¹. В соответствии с гипотезой Т. Моммзена, нередко называемой «универсальной теорией провокации»⁴², право апеллировать к народу возникло в царскую эпоху (о чем свидетельствует античная традиция), но носило тогда необязательный характер⁴³. В 509 г. до н.э., одновременно с основанием Республики, был принят закон Валерия Попликолы о провокации, а затем еще два закона Валерия и Горация в 449 г. до н.э. (после устранения децемвирата) и закон Валерия 300 г. до н.э. По Т. Моммзену, провокация была основным гражданским правом с самого начала Республики: она была законным средством для гражданина опротестовать приговор магистрата, выступавшего в роли суда первой инстанции, в суде второй инстанции – народном собрании. Суд комиций выступал в качестве «инстанции помилования». Таким образом, Т. Моммзен рассматривал республиканский уголовный процесс как комбинированный, магистратско-комициальный. Попытался пересмотреть концепцию Т. Моммзена Х. Брехт, согласно взгляду которого в Риме ранней Республики существовал единый комициальный уголовный процесс, а магистрат выступал в нем лишь как инициатор возбуждения того или иного дела⁴⁴. Й. Бляйкен, опираясь на давний тезис о неисторичности двух первых законов о провокации⁴⁵, исходящий из признания дублетами консульских пар 509 и 449 гг. до н.э. (*Valerius – Horatius*)⁴⁶, пришел к выводу об отсутствии в V–IV вв. до н.э. вообще, как такового, магистратско-комициального уголовного процесса, основанного на праве провокации⁴⁷. Представление о том, что только *lex Valeria* 300 г. н.э., последний из трех первых упоминаемых античными авторами законов о провокации, следует считать историчным, укрепилось в литературе, во всяком случае оно привело к тому, что внимание исследователей последнего тридцатилетия сосредоточилось именно на этом законе⁴⁸.

В отличие от авторов, отрицающих реальность двух первых республиканских законов о провокации, информацию о них считал достоверной Андре Магделен, посвятивший этим законам специальную работу и проследивший изменения в их содержании⁴⁹. В.Н. Токмаков также рассматривает эти законы как действительно заложив-

⁴⁰ *Mommsen Th. Römisches Strafrecht.* Lpz, 1899. S. 473–475.

⁴¹ *Bleicken J. Ursprung und Bedeutung der Provocation // ZSS.* 1959. Bd 76. S. 325.

⁴² *Martin J. Die Provocation in der klassischen und späten Republik // Hermes.* 1970. Bd 98. S. 73.

⁴³ *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht.* Bd 2. Lpz, 1874. S. 11. Сторонниками отнесения к царской эпохе возникновения права провокации в современной науке являются, например, С. Тондо и Б. Санталючия: см. *Кофанов Л.Л. Lex Valeria de provocatione* 509 г. до н.э. и начало разделения римского права на публичное и частное // *IVS ANTIQVVM. Древнее право.* 2001. № 1 (8). С. 31; Л.Л. Кофанов подчеркивает, что «по крайней мере со времен Туллы Гостилия применялась апелляция к народному собранию на судебные решения царей» (*Кофанов Л.Л. Характер царской власти в Риме VIII–VI вв. до н.э. // Антиковедение и медиэвистика.* Ярославль, 2001. Вып. 3. С. 23).

⁴⁴ *Brecht H. Zum römischen Komitialverfahren // ZSS.* 1959. Bd 59. S. 261–314.

⁴⁵ *Meyer Ed. Untersuchungen über Diodor's Römische Geschichte // RhM.* 1882. Bd 37. S. 626. Эд. Мейер полагал, что консулат первого года Республики Валерия Попликолы является фальсификацией, а следовательно, не может считаться историчным первый закон о провокации. Существование права провокации до децемвирата он отвергал на том основании, что находил во главе ординарной исполнительной власти единоличного магистрата (*magister populi*), изъятого из подчинения этому праву.

⁴⁶ *Arangio-Ruiz V. Storia del diritto romano.* Napoli, 1940. P. 74; *Heuß A. Zur Entwicklung des Imperiums der römischen Oberbeamten // ZSS.* 1944. Bd 64. S. 114.

⁴⁷ *Bleicken. Ursprung ... S. 324–377; idem. Provocatio // RE.* Bd XXIII. Sp. 2443–2464.

⁴⁸ *Martin. Op. cit. S. 72–96; Bauman R.A. The Lex Valeria de provocatione of 300 B.C. // Historia.* 1973. Bd XXII. P. 34–47.

⁴⁹ *Magdelain A. «Provocatio ad Populum» // Magdelain A. Ius imperium auctoritas.* Roma, 1990. P. 582–588.

шие основы правового суверенитета римского народа⁵⁰: глубокие наблюдения о том, что под действие закона 509 г. до н.э. попадали только члены центуриатного собрания и войска, а плебеи из категории *infra classem* – нет; тогда как закон 449 г. до н.э. распространялся на всех граждан пяти цензовых разрядов, позволили ему привести очень весомый аргумент в пользу необходимости повторного принятия закона, а следовательно – историчности обоих названных законов.

В данной статье мы, отвлекаясь от проблемы собственно реконструкции уголовного процесса раннереспубликанского периода, выходящей за рамки настоящего исследования, обратим внимание на подчеркиваемую античными авторами (*Liv.* III. 55. 4; *Cic. De rep.* II. XXXI.54)⁵¹ прямую связь между деятельностью коллегий децемвиров без провокации и *lex Valeria Horatia de provocatione* 449 г. до н.э. Отрицание историками достоверности сообщений античной традиции об этом законе возможно, разумеется, в такой ситуации только «в связке» с отрицанием сведений о децемвирате. Пытаясь выйти из этого затруднения (ибо отрицать вообще факт существования магистратуры децемвиров в середине V в. до н.э. невозможно в силу признания антиковедами реальности результатов ее деятельности в виде законов XII таблиц), исследователи, стоящие на позиции отрицания двух первых законов о провокации, отстаивают неисторичность второго децемвирата⁵². Мы же, отказываясь от гиперкритического подхода к античной традиции, придерживаемся точки зрения о реальности второй коллегии децемвиров и адекватном в целом отражении истории ее правления в сочинениях древних авторов⁵³. Поэтому создаваемая нами историческая модель децемвирата заставляет считать наиболее соответствующей римской исторической действительности «универсальную теорию провокации» Т. Моммзена, несмотря на всю ее массивированную критику в исследованиях XX в.

Таким образом, мы полагаем, что именно точка зрения о существовании права провокации в первые шестьдесят лет Республики, не идущая вразрез со сведениями нарративных источников, а наоборот, на них основывающаяся, подтверждается комплексом информации о децемвирате, что свидетельствует о внутренней непротиворечивости данных античной традиции и принципиальной возможности использования их для построения теорий римской политической системы этого времени.

Сказанное приводит нас к утверждению о действительно имевшем место изъятии коллегий децемвиров из сферы действия права провокации, законодательно оформленного до введения этой магистратуры в римскую конституцию.

⁵⁰ *Токмаков В.Н.* Роль центуриатных комиций в развитии военной организации Рима ранней Республики // ВДИ. 2002. № 2. С. 155.

⁵¹ *Liv.* III. 55. 4: *Aliam deinde consularem legem de provocatione, unicum praesidium libertatis, decemvirali potestate eversam, non restitunt modo, sed etiam in posterum muniunt sanciendo novam legem, ne quis ullum magistratum sine provocatione crearet* – «Затем они не только восстановили закон о провокации по отношению к консулам, единственный оплот свободы, уничтоженный властью децемвиров, но даже и укрепили его на будущее, объявив действительным новый закон, по которому никакие магистраты не могли быть избраны неподверженными провокации...».

Cic. De rep. II. XXXI. 54: *et quod proditum memoriae est, Xviros, qui leges scripserint, sine provocatione creatos, satis ostenderit reliquos sine provocatione magistratus non fuisse; Luciique Valerii Potiti et M. Horatii Barbati, hominum concordiae causa sapienter popularium, consularis lex sanxit, ne qui magistratus sine provocatione crearetur* – «и повествование, передающее, что децемвиры, которые составили законы, были избраны без подчинения провокации, вполне показывает, что не было других магистратов, неподверженных провокации; и консульский закон Луция Валерия Потита и М. Горация Барбата ради согласия сограждан благоразумно установил, чтобы ни один магистрат не избирался неподчиненным провокации».

⁵² Эту точку зрения нередко связывают с трудом К.Ю. Белоха, в котором она действительно постулируется (*Beloch K.J.* *Römische Geschichte bis zum Beginn der Punischen Kriege.* В. – Lpz, 1926. S. 9, 242), но появилась она ранее.

⁵³ Подробнее о количестве коллегий децемвиров, механизме прихода к власти и отставке каждой из них см. *Дементьева В.В.* Конституционные основы существования децемвирата // *IVS ANTIQVVM.* Древнее право. 2001. № 1 (8). С. 37–50.

Обратимся теперь к вопросу о том, осуществлялось ли против децемвиров право интерцессии (*ius intercessionis*). Поскольку источники однозначно отмечают прекращение полномочий плебейских трибунов при вступлении десяти мужей в должность, разумеется, речь может идти не о трибунской, а лишь о коллегиальной интерцессии. Коллегиальную интерцессию фиксирует Ливий для первых децемвиров, противопоставляя им в этом отношении членов второго децемвирата, ликвидировавших право взаимного обжалования⁵⁴. Подтверждает информацию Ливия Дионисий Галикарнасский (X. 59; 60). Эти сведения естественным образом вписываются в общую схему механизма функционирования органов римской исполнительной власти в том виде, как она нами реконструируется. Если высшая магистратура была коллегиальной, то ее члены могли наложить запрет на решения друг друга, независимо от того, являлась их должность ординарной или чрезвычайной. На наш взгляд, коллегиальность (*par potestas*) и коллегиальная интерцессия – понятия в римском публичном праве неразделимые, ибо без права наложить вето на действия товарища по должности коллегиальность не мыслилась, в этом праве заключалась ее суть, оно было главной ее характеристикой. Косвенным свидетельством в пользу существования коллегиальной интерцессии для децемвиров может служить и то, что обладатель империя из их числа имел в своем сопровождении 12 ликторов с фасками, как консул, а не 24, как диктатор, притом, что подобно диктатору децемвир был чрезвычайным магистратом без подчинения провокации. Наши наблюдения над закономерностями реализации властных полномочий магистратов и символизирующими их власть атрибутами позволяют высказать утверждение, что количество ликторов у высшего должностного лица зависело не от характера (экстраординарного или ординарного) его магистратуры, не от подчинения его праву провокации, не от срока полномочий (годового, полугодового или пятидневного), а от наличия или отсутствия коллег. Поэтому двенадцать ликторов у держателя фасок из числа децемвиров (*praefectus decemvirorum, princeps inter decemviros*) можно рассматривать как аргумент в пользу того, что он в этот момент все равно оставался носителем коллегиальных полномочий со всеми вытекающими отсюда последствиями, в первую очередь полностью подвергнувшись интерцессии со стороны остальных девяти соправителей. Несоблюдение этого правила вторыми децемвирами должно быть расценено как конституционное нарушение в числе других, совершенных ими и направленных на узурпацию власти.

Делая вывод о существовании коллегиальной интерцессии в деятельности децемвирата (до тех пор, пока он оставался конституционным органом), мы должны задаться вопросом о том, была ли эта интерцессия единственным легитимным средством воздействия на принимаемые решения. Для начала заметим, что с прекращением полномочий плебейских трибунов гражданский коллектив лишился права помощи против антиплебейских мер магистратов, которым надлежало бы защитники плебса. Мнение И.В. Нетушила⁵⁵ о передаче *ius auxilium* плебейских трибунов самим децемвирам представляется необоснованным. Ибо слова Ливия о том, что плебеи при децемвирах не нуждались в помощи трибунов⁵⁶, на которые он опирался, не могут считаться аргументом в пользу такой точки зрения. Другой его довод, заключающийся в том, что только при переносе *ius auxilium* на децемвиров плебеи согласились бы на отмену трибуната, также ненадежен, поскольку мотивы такого их

⁵⁴ Liv. III. 36. 6: *nam praeterquam quod in populo nihil erat praesidii sublata provocatione, intercessionem quoque consensu sustulerant, cum priores decemviri appellatione collegae corrigi reddita ab se iura tulissent et quaedam, quae sui iudicii videri possent, ad populum reiecissent* – «Дело в том, что кроме лишения народа защиты путем отмены провокации, и интерцессия была единогласно упразднена, в то время как первые децемвиры апеллирующей коллег исправляли свои судебные постановления, или передавали народу дела, казалось бы, подлежащие их суду».

⁵⁵ Нетушил. Ук. соч. С. 168.

⁵⁶ Liv. III. 34. 8: *...ne tribunicium quidem auxilium, cedentibus in vicem appellatione decemviris, quaerebat* – «...даже не искали помощи трибунов, так как децемвиры при апелляции взаимно уступали».

согласия можно усматривать, например, в стремлении к записи законов. Вообще, мы полагаем, что *ius auxilium* было специфическим правом плебейских трибунов и «делегироваться» никому не могло.

Теперь вернемся к вопросу о том, можно ли считать коллегиальную интерцессию фактически единственным методом политического давления на принимаемые децемвирами решения. В условиях, когда не могла осуществляться провокация к народу, когда не было плебейских трибунов, наделенных *ius auxilium*, интерцессия со стороны товарищей по должности, на первый взгляд, может рассматриваться как единственный способ противодействия распоряжениям децемвиров, что иногда и делалось в литературе⁵⁷. Однако мы полагаем, что рычаги воздействия на децемвиров непременно должен был иметь сенат, во всяком случае действенным средством его влияния была *auctoritas patrum*. Сенат в ранней Республике не утрачивал контроль даже над единоличными диктаторами. Поэтому, на наш взгляд, корректировка конкретных шагов децемвиров в государственном управлении осуществлялась не только изнутри самой правившей коллегии, но и со стороны такого важного органа римской общины, как сенат. Это подтверждается описанием в наших источниках событий, связанных с ликвидацией второго децемвирата, а именно сведениями об активном участии в данном акте сенаторов (Liv. III. 39–41; 51; 52; 54).

Охарактеризованный нами объем полномочий определял конкретную практическую деятельность децемвиров. Будучи носителями высшего магистратского империя они выступали в качестве военных руководителей общины. В том числе они осуществляли набор воинов (Liv. III. 41. 7), командовали войсками при ведении военных действий (III. 41. 9–10). Ливий описывает полководческую деятельность вторых децемвиров как сплошь неудачную: войны, ненависть узурпаторов, не желали добиваться побед под руководством децемвиров и проигрывали сражения, покрывая позором и себя, и полководцев⁵⁸. Как отмечает И.Л. Маяк, командование полководцев-децемвиров было неавторитетным, к тому же плебеи, под воздействием агитации против них, воевали неохотно⁵⁹. Римские войска, возглавляемые децемвирами, потерпели поражения от сабинян и эквов (Liv. III. 42. 3–5).

Империй в римском политическом устройстве и общественном сознании был сопряжен с правом *auspicium* – возможность вступать в общение с богами от имени всех граждан была прерогативой высших магистратов, в том числе и децемвиров, на что обратил внимание Пьер-Шарль Рануй⁶⁰, и с чем мы безусловно согласны. Абсолютно ясно, что децемвиры совершали *auspicia publica* при проведении военных и гражданских мероприятий.

В гражданской сфере децемвиры осуществляли права, вытекавшие из *imperium*. Они созывали комиции и председательствовали на них (Liv. III. 34. 1; 35. 9), созывали сенат (Liv. III. 38. 6; 12; 13; Gell. N. A. XIV. 7. 5) и начинали речь его заседание (Liv. III. 39. 2). Децемвиры выполняли в большом объеме судебные функции: регулярно председательствовали на судебных заседаниях (Liv. III. 33. 8), выступали в роли как судей, так и обвинителей на судебных процессах (Liv. III. 33. 9–10; Cic. De ger. II. XXXI. 61). В последнем случае Ливий и Цицерон подчеркивают, что децемвир Гай Юлий, когда в доме другого децемвира, Публия Сестия (у Цицерона названного Луцием Сестием) откопали труп, предоставил народу возможность вынести приговор, взяв на себя функции обвинителя. Тем самым, Гай Юлий добровольно ограничил собствен-

⁵⁷ Becker. Op. cit. S. 135.

⁵⁸ Liv. III. 42. 2: *Illo modo in ducibus culpa quod ut odio essent civibus fecerant: alia omnis penes milites noxia erat, qui ne quid ductu atque auspicio decemvirorum prospere usquam gereretur vinci se per suum atque illorum dedecus patiebantur* – «Вина военачальников состояла только в том, что они вызывали ненависть граждан: во всем остальном виноваты были воины, которые не стремились исполнять долг и побеждать под командованием и *auspicium* децемвиров, но терпели бесчестье сами и позорили их».

⁵⁹ Маяк. Ук. соч. С. 45.

⁶⁰ Ranouil P.-Ch. Recherches sur le Patriciat (509–366 avant J.-C.). P., 1975. P. 34.

ную компетенцию по вынесению судебного приговора, передав народу право решить судьбу Сестия⁶¹.

Децемвиры в своей практической деятельности лишали почетных прав отдельные категории граждан. В частности они отобрали у флейтистов, обеспечивавших музыкальное сопровождение священнодействий, данные им царем Нумой привилегии, но потом стороны нашли компромисс (Plut. Quaest. Rom. 55. 277 F). Ливий, говоря о судебных решениях децемвиров, отмечает, что члены первой коллегии выносили «всем – и лучшим и худшим – решительные и непреложные, как у оракула, приговоры» (III. 34. 1). Вторые же децемвиры пристрастно разбирали дела, жестоко и своевольно решая людские судьбы, причем патрициев не трогали, жертвами их судебного произвола оказывались только плебеи. «Люди, а не дела становились объектом разбирательства, и решение определялось не справедливостью, а благоклонностью» (Liv. III. 36. 7)⁶². Таким образом, «перерождение» децемвирата из легитимного органа во внеконституционный при второй коллегии сказалось и на реализации децемвирами властных функций.

Специфической деятельностью децемвиров была письменная фиксация законов. Осуществление ее также опиралось на *summum imperium* данных магистратов. Результатом стали законы XII таблиц, практически безоговорочно признаваемые современной историографией отдельным памятником римского права. Однако такое представление сложилось не сразу, поскольку один из первых исследователей текста законов XII таблиц Эдуард Ламбер в начале XX в. пришел к выводу, что они не являлись особым законодательным памятником, во всяком случае их существование в таком качестве столь же мало достоверно, как и двух досок заповедей Моисея⁶³. Признание в современной романистике законов XII таблиц реальным вкладом децемвиров не снимает для исследователей вопросов о том, как шел процесс составления законов, когда и каким способом они утверждались и публиковались.

Историки, настаивающие на существовании одной коллегии децемвиров, полагают, что все двенадцать таблиц были записаны этой единственной коллегией. Так, Б.В. Никольский аргументировал это утверждение тем, что «Помпоний не знает двух призывов децемвиров и одним и тем же лицам приписывает составление всех 12 таблиц уложения»⁶⁴. Евгений Тойблер заострял внимание на противоречии в словах Диодора: сначала тот говорит о первых децемвирах, что они закончили составление законов⁶⁵, а затем о вторых, что они не смогли закончить эту работу⁶⁶. Основываясь на этой несообразности в тексте Диодора, немецкий исследователь делал вывод, что греческий автор механически соединил фрагменты своих первоисточников⁶⁷, а это в свою очередь лишало, по его мнению, аргументации точку зрения о записи законов в два приема и соответственно о двух коллегиях децемвиров. Однако, на наш взгляд, устойчивое представление в античной традиции о двух коллегиях децемвиров (CIL. I. P. 16; Liv. III. 34. 7; Cic. De rep. II. XXXI. 61; Diod. XII. 24; Dionys. X. 58; Eutrop. I. 18; Macrobian. Sat. I. 13. 21; Zon. VII. 18) и к тому же отсутствие прямых указаний, что коллегия была одна (подчеркнем, что Помпоний, Тацит, Флор, Аврелий Виктор обобщенно говорят о децемвирах, но отнюдь не уточняют количество коллегий, поэтому ссылки на них в доказательство существования единственной коллегии некорректны) заставляют признать «поэтапность» записи

⁶¹ Magdelain. Op. cit. P. 587.

⁶² *Hominum, non causarum toti erant, ut apud quos gratia vim aequi haberet.*

⁶³ Lambert E. La question de l'authenticité des XII Tables et les Annales Maximi // RHD. 1902. P. 13. Критику этой точки зрения см. Покровский И.А. История римского права. СПб., 1913. С. 115 (переизд. СПб., 1998. С. 119).

⁶⁴ Никольский Б.В. Система и текст XII таблиц. СПб., 1897. С. 18.

⁶⁵ Diod. XII. 23: οἱτοὶ τοῖς νόμοις συνετέλεσαν.

⁶⁶ Diod. XII. 24: οἱτοὶ δὲ τοῖς νόμοις οὐκ ἠδυνήθησαν συντελέσαι.

⁶⁷ Täubler E. Untersuchungen zur Geschichte des Decemvirats und der Zwölftafeln. B., 1921 (Historische Studien. Hft 148). S. 14–19.

законов. Таким образом, в соответствии с античной традицией мы относим составление десяти таблиц к первому децемвирату, а двух – ко второму.

Как, кем и когда утверждались законы XII таблиц – по этому поводу мнения исследователей также расходятся. Так, Жак Эргон полагал, что законы вводились просто декретом децемвиров на основании их экстраординарных полномочий⁶⁸. Иной взгляд – что только через решение центуриатных комиций можно было принять эти законы – отстаивали Отто Карлова и Франческо Де Мартино⁶⁹. Мы можем разделить этот, второй подход, поскольку, во-первых, именно ему можно найти подтверждение в источниках (Liv. III. 34. 2; 6; Dionys. X. 57)⁷⁰, а во-вторых, только принятый в комициях акт можно назвать законом в римском смысле этого слова (lex), тем более, что речь идет о целом комплексе законов. Никакие магистраты в ранне-республиканском Риме, будь то ординарные или чрезвычайные, обладая правом законодательной инициативы, не могли сами, без голосования в комициях, утвердить закон, и децемвиры, хотя они осуществляли составление текста и запись законов XII таблиц, не могли, по нашему глубокому убеждению, принять их только на основе «собственных экстраординарных полномочий».

Каждую ли таблицу по очереди, в порядке составления и через определенные временные интервалы ставили на голосование в комициях, по несколько ли таблиц за ряд приемов или все первые десять утверждались единовременно? Б.В. Никольский считал, что «децемвиры публиковали свое законодательство по отделам в течение года и нескольких месяцев»⁷¹. Однако Ливий дает основание полагать, что десять таблиц, составленных первой коллегией децемвиров, были единовременно выставлены для ознакомления с ними граждан, обсуждения и сбора замечаний и предложений (III. 34. 1–5). По каждой главе высказывались замечания, вносились соответствующие поправки, и только после этого законы десяти таблиц были переданы на голосование по центуриям (III. 34. 6). Слова Ливия подтверждаются сообщением Дионисия: «Десять мужей, начертав законы из греческих законов и своих собственных неписаных обычаев, выставили на десять досок, чтобы каждый желающий рассмотрел, и, приняв все поправки частных лиц, ко всеобщей радости внесли исправления в написанное»⁷². Далее Дионисий повествует об утверждении законов сначала в сенате, а затем в народном собрании. Таким образом, показания источников противоречат мнению Б.В. Никольского о регулярном, с 24-дневным интервалом, вынесении разделов всех XII таблиц, составленных якобы одной коллегией, на утверждение в комициях.

Источники, как мы видели, разделяют процесс составления законов на два этапа – сначала десять таблиц, затем еще две. Это делает даже Помпоний, не акцентирующий внимание на двух призывах децемвиров, но указывающий, что две таблицы были прибавлены в следующем году⁷³. Обратим внимание, что Ливий относит завершение работы над двумя таблицами ко времени до истечения срока полномочий вторых децемвиров⁷⁴, до майских ид, когда они еще не стали частными лицами. О том, когда

⁶⁸ Heurgon J. *The Rise of Rome to 264 BC. L.*, 1969. P. 171.

⁶⁹ Karlowa. *Op. cit.* S. 105; De Martino F. *Storia della costituzione Romana*. Napoli, 1958. P. 252.

⁷⁰ Liv. III. 34.6: centuriatis comitiis decem tabularum leges perlatas sunt – «десять таблиц законов передали в центуриатные комиции»; Dionys. X. 57: ἔπειτα τὸν δῆμον καλέσαντες εἰς τὴν λαχίτην ἐκκλησίαν... – «потом созвав народ на центуриатные комиции...».

⁷¹ Никольский. Ук. соч. С. 23.

⁷² Dionys. X. 57: οὗτοι οἱ δέκα ἄνδρες συγγράψαντες νόμους ἐκ τε τῶν Ἑλληνικῶν νόμων καὶ τῶν παρὰ σφίσι αὐτοῖς ἀγράφων ἔθισμῶν προῦθησαν ἐν δέκα δέλτοις τῷ βουλευμένῳ σκοπεῖν, δεχόμενοι πᾶσαν ἐπανόρθωσιν ἰδιωτῶν καὶ πρὸς τὴν κοινὴν εὐαρέστησιν ἀπευθύνοντες τὰ γραφέντα.

⁷³ D. I. 2. 2. 4; Qui ipsi animadverterunt aliquid deesse istis primis legibus ideoque sequenti anno alias duas ad easdem tabulas adiecerunt: et ita ex acceden (i) appellatae sunt leges duodecim tabularum – «Они обратили внимание, что в этих первых законах кое-чего не достает, и в следующем году к тем таблицам добавили еще две: и так из-за этого увеличения законы получили название двенадцати таблиц».

⁷⁴ Liv. III. 37. 4: iam et processerat pars maior anni et duae tabulae legum ad prioris anni decem tabulas erant adiectae – «И уже прошла большая часть года, и две таблицы законов были добавлены к десяти таблицам предыдущего года».

две составленные последними таблицы были утверждены, Ливий прямо не сообщает. Он пишет, что вторые децемвиры отказывались сложить с себя полномочия, пока не будут приняты законы (III. 51. 13), но в промежутке от этого фрагмента до констатации отставки децемвиров (III. 54. 6) об утверждении римским народом двух таблиц законов не упоминает. Затем, излагая события консульства Валерия и Горация, приводит содержание их собственных законов, а о XII таблицах сообщает, что они были выставлены для всеобщего обозрения вырезанными на меди (III. 57. 10).

Диодор Сицилийский, отмечаящий, что вторая коллегия децемвиров была избрана для завершения записи законов (XII. 24), в отличие от других античных авторов, связывает начертание двух таблиц не с децемвирами, а со сменившими их консулами Валерием и Горацием. Он сообщает, что эти консулы, «так как из-за произошедшей смуты законы не были закончены, завершили их составление; поскольку из так называемых двенадцати таблиц было составлено только десять, оставшиеся две начертали консулы»⁷⁵. И продолжает: «Когда закончены были основополагающие законы, начертав их на двенадцати медных досках, консулы тогда прибили их гвоздями, установив перед входом в сенат»⁷⁶.

Итак, текст Ливия позволяет предполагать, что во время правления вторых децемвиров составленные ими две таблицы законов утверждены не были (возможно даже, что не были и обнародованы), следовательно, голосование в комициях для одобрения содержания произошло уже при консулах Валерии и Горации (во всяком случае при них была осуществлена публикация полного текста всех XII таблиц). Собственно факт опубликования и принятия при этих консулах законченного законодательства децемвиров подтверждает, как мы видели, и Диодор. Вероятно, знание обстоятельств публикации и утверждения последних двух таблиц и привело к тому, что Диодор посчитал составителями их также Валерия и Горация. Скорее всего при определении их авторства следует предпочесть версию Ливия, поскольку она подкрепляется римской исторической традицией. Даже Макробий пишет: *decem viros, qui decem tabulis duas addiderunt* (децемвиры, которые прибавили к десяти таблицам две – Sat. I. 13. 21).

Таким образом, десять таблиц, составленных первой коллегией десяти мужей, были ими обнародованы и поставлены на голосование в центуриатных комициях. Две последние по времени записи таблицы мы относим к результатам деятельности второй коллегии децемвиров, а публикацию их и принятие в качестве законов во времени консулата Валерия и Горация.

Кроме деятельности по составлению законов, с которой децемвиры оказались накрепко связаны в исторической памяти, к их заслугам античные авторы относят исправление календаря. В нашем распоряжении имеется два свидетельства об этом – Овидия и Макробия. В «Фастах» мы читаем:

Януса месяц был первым, ворота времен отворяя, –
Месяц последний в году манам последним был свят.
Только много спустя, говорят, дважды пять децемвиров
Сделали так, что февраль следует за январем⁷⁷.

(Пер. Ф. Петровского)

Макробий в «Сатурналиях» со ссылкой на Семпрония Тудитана и Кассия Гемину сообщает, что децемвиры, прибавившие к десяти таблицам две, внесли в народное

⁷⁵ *Diod.* XII. 26: ἐπὶ δὲ τούτων, ἐν τῇ Ῥώμῃ τῆς νομοθεσίας διὰ τὴν στάσιν ἀσυντελέστου γενομένης, οἱ ἕπατοι συνετέλεσαν αὐτήν· τῶν γὰρ καλουμένων δώδεκα πινάκων οἱ μὲν δέκα συνετέλεσθησαν, τοὺς δ' ὑπολειπομένους δύο ἀνέγραψαν οἱ ἕπατοι.

⁷⁶ *Ibid.*: καὶ τελεσθείσης τῆς ὑποκειμένης νομοθεσίας, ταύτην εἰς δώδεκα χαλκοῦς πίνακας χαράξαντες οἱ ἕπατοι προσήλωσαν τοῖς πρὸ τοῦ βουλευτηρίου τότε κειμένοις ἐμβόλοις.

⁷⁷ *Ovid.* *Fast.* II. 51–54: *Primus enim Iani mensis, quia ianua prima est: / qui sacer est imis manibus, imus erat. / Postmodo creduntur spatio distantia longo / tempora bis quini continuasse viri.*

собрание законодательное предложение об интеркаляциях⁷⁸. Таким образом, у Овидия говорится о том, что февраль, будучи сначала последним месяцем года, при децемвирах стал вторым после января. Макробий пишет о внесении децемвирами законопроекта о введении дополнительного месяца в календарный год. Вставные (эмбологические) месяцы назывались у римлян *menses intercalarii*. Такой месяц был необходим для согласования лунного астрономического года с солнечным и создания лунно-солнечного календаря, связанного с наступлением времен года (что требовалось для хозяйственной жизни). Поскольку известно, что дополнительный месяц вставляли в римский календарь после праздника Терминалий, справлявшегося 23 февраля⁷⁹, февраль действительно перестал быть последним месяцем года (дни 24–28 февраля стали причислять к вставному месяцу⁸⁰), и в этом отношении сведения Овидия и Макробия не противоречат друг другу. Что же касается представлений Овидия о том, что февраль вместо последнего месяца стал вторым в результате календарной реформы децемвиров, то, возможно, он, исходя из юлианского календаря (по которому действительно начало нового года было связано с январскими календами) и зная о введении децемвирами интеркаляций, ошибочно соотнес с их деятельностью и перемещение новогодия с марта на январь⁸¹. В целом нам кажется, что есть основания признать преобразование календаря вторыми децемвирами историческим событием, хотя в литературе, на основе отрицания существования второй коллегии, иногда отрицалась и их календарная реформа⁸². Обычно же исследователи, говоря о децемвирах, просто обходят этот сюжет молчанием. Дело, видимо, в том, что у того же Макробия в названном фрагменте приводятся свидетельства других древних авторов о связи введения интеркаляций с иными историческими периодами и деятелями. В данном случае коррелирующие в своей основе упоминания Овидия Назона и Макробия заставляют нас допустить достоверность факта календарных преобразований, предпринятых децемвирами. Возможно, ранее приведенное нами свидетельство Плутарха (*Quaest. Rom.* 55. 277 F) о лишении привилегий флейтистов каким-либо образом было связано с тем, что февраль перестал быть последним месяцем года, а это могло как-то повлиять на проводимые торжества, в которых были задействованы флейтисты.

Подводя итоги рассмотрения вопроса об объеме полномочий и практической деятельности децемвиров, отметим, что будучи единственными представителями исполнительной власти, они обладали *summum imperium*, распространявшимся на гражданскую и военную сферы. Чрезвычайная власть римлян отличалась от ординарной не своим содержанием, не наполнением (она и в том и в другом случае охватывалась понятием *imperium*), а особым механизмом реализации империя. В данном случае децемвиры как экстраординарные магистраты (чрезвычайный характер должности проявился и в неординарном их количестве) были изъяты из-под действия трибунской интерцессии и права провокации, законодательно оформленного, на наш взгляд, в римской политической системе периода ранней Республики и применявшегося на протяжении первых шести десятилетий ее существования. Концепция, отрицающая его наличие на этом хронологическом отрезке, входит в противоречие с комплексом источниковой информации о периоде в целом, и о децемвирате в частности.

Избавленные от действия права провокации и протеста со стороны плебейских трибунов, деятельность которых была приостановлена, децемвиры были подвержены

⁷⁸ *Macrob. Sat.* I. 13. 21: *Tuditanus refert libro tertio magistratum decem viros, qui decem tabulis duas addiderunt, de intercalando populum rogasse. Cassius eosdem scribit auctores.*

⁷⁹ *Huschke Ph.E.* *Das Alte Römische Jahr und seine Tage.* Breslau, 1869; *Soltau W.* *Römische Chronologie.* Freiburg, 1889. S. 39; *Merrill E.T.* *The Roman Calendar and the Regifugium* // *CPh.* 1924. V. XIX. P. 20–39.

⁸⁰ *Michels A.K.* *The Calendar of the Roman Republic.* Princeton, 1967. P. 17–18.

⁸¹ Вообще Овидий уделял особое внимание январю и Янусу, которому месяц был посвящен: *Pasco-Prancer M.* *Vates operosus: Vatic Poetics and Antiquarianism in Ovid's Fasti* // *Classical World.* 2000. V. 93. № 3. P. 275–291.

⁸² *Никольский.* Ук. соч. С. 20.

коллегиальной интерцессии (до тех пор, пока сами ей не пренебрегли, пока не стали попираить конституционные нормы функционирования высшей магистратуры). Судя по всему, децемвиры были первыми подлинно коллегиальными римскими магистратами. Обладая огромными полномочиями, они все же не действовали полностью бесконтрольно и отнюдь не находились в полном политическом вакууме. Возможности контроля по отношению к ним и политического давления на них (как и на всяких чрезвычайных магистратов) располагал сенат. Свои методы воздействия нашлись в решающий момент и у всего гражданского коллектива в целом. Хотя вторые децемвиры не собирали народ на комиции (и, казалось бы, *cives* утратили возможность воздействия на решения высших магистратов), тем не менее для отпора их попытке узурпации власти массы предприняли очень активные действия, организовав сецессию. Решительную позицию в конце концов заняли в борьбе с попыткой незаконного захвата власти и сенаторы.

Непосредственная государственная деятельность децемвиров представляла собой именно реализацию на практике высшего империя и охватывала военную, гражданско-административную и судебную сферы. Наиболее интенсивно они занимались судебными делами (при этом вторая коллегия чинила в этом отношении произвол), наименее эффективно – военными. В своей практической деятельности децемвиры исполняли все обязанности руководителей общины (делая это первоначально нормальным образом, находясь в рамках закона, а затем на втором и особенно третьем году децемвирата все более выходя за пределы конституционного поля). Основной заслугой первых децемвиров явилось составление десяти таблиц законов, вторых – двух таблиц и реформирование календаря. Первые децемвиры обнародовали составленные ими законы, внесли в них исправления в соответствии со сделанными гражданами замечаниями и поставили на голосование в комициях. Мы отрицаем возможность принятия децемвирами законов только на основе их собственных экстраординарных полномочий. Вторые децемвиры не обсудили текст составленных ими законов и, видимо, даже не опубликовали его. Обнародование и утверждение двух начертанных последними таблиц (вместе с десятью предыдущими) произошло в 449 г. до н.э. при консулах Валерии и Горации.

Децемвиры, таким образом, выступили как реформаторы календаря и создатели римского писаного права. Последнее, без сомнения, стало главным их вкладом в историю римского государства. Созданные децемвирами законы XII таблиц, по словам Помпония (D. I. 2. 2. 6), положили начало *ius civile*, а по мнению Ливия, стали *fons omnis publici privataeque iuris* (источником всего публичного и частного права – III. 34. 6). Письменная фиксация законов стала важным моментом и в конфликтном противостоянии двух архаических сословий, и сама по себе (отвлекаясь даже от конкретного содержания законов) может рассматриваться как достигнутый плебеями компромисс.

Неполных три года (451–449 гг. до н.э. – два законно и третий нелегитимно) продолжалось правление децемвиров. При столь кратком сроке нахождения у власти две коллегии десяти мужей оставили весьма заметный исторический след. Для нас важно подчеркнуть влияние деятельности и самого факта существования децемвирата на римскую политическую систему. Введение данной магистратуры в римскую конституцию, как видно из проанализированного материала, было попыткой создать коллегиальную годовичную чрезвычайную высшую должность. Эта попытка имела свои как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, созданием такой должности римляне добились значительного прорыва в деле упорядочения правовых норм и их письменной фиксации. С другой стороны, правление децемвиров показало, что сосредоточение в руках коллегиального органа огромных полномочий на длительный срок чревато всплеском личных амбиций их обладателей, что может представлять угрозу для республиканских основ государства.

Конечно, римская община, вводя в конституцию коллегию полновластных магистратов, имела некоторые защитные механизмы от возможности государственного переворота; их она в конечном счете и использовала. Однако опыт приме-

нения децемвирата показал, что эти защитные механизмы должны быть усилены, тем более когда власть передается чрезвычайным магистратам на максимально возможный по римским конституционным нормам годичный срок. Из опыта применения децемвирата, как положительного, так и отрицательного, римляне извлекли исторические уроки. Они не отказались от идеи использования годичной коллегиальной магистратуры с участием плебеев в качестве экстраординарного органа. Но они сделали вывод, что носители таких полномочий не должны быть вне сферы действия права провокации к народному собранию и не должны править в отсутствие нейтрализующего органа – плебейского трибуната. О том, что для римлян не пропали даром уроки, преподнесенные попыткой узурпации власти вторыми децемвирами, наглядно свидетельствует то, что в период между децемвиратом и Гракхами «ни одно должностное лицо не делало явных попыток выйти за рамки конституционной компетенции»⁸³. Накопленный при децемвирате политический опыт непосредственно сразу был учтен гражданским коллективом общины при создании магистратуры консулярных военных трибунов.

DECEMVIRI'S COMPETENCE AND PRACTICAL ACTIVITY

V.V. Demytyeva

The author demonstrates that, according to the sources, the Romans regarded decemviri's competence as that of a higher magistrate. The ancient writers applied the term of «consular power» to their competence in the sense of «supreme executive collegial power».

As a collegial body of magistrates *cum imperio* decemviri executed the power of imperium by turns. The author maintains that the sources give us no ground to suppose that the term of each decemvir's power was equal to interrex's term of office.

As extraordinary magistrates, decemviri were excepted from tribune's *intercessio* and from the right of *provocatio*, which, in the author's opinion, was legally accepted in the Roman political system in the early Republican period. Collegial intercession could be executed as long as decemvirate's legitimate power was valid. The Senate could exert influence upon decemviri by the force of *auctoritas patrum*.

Decemviri's functions were those of military and civil leaders of the community. They recruited soldiers, they could be in command of military forces at wartime, they could summon and preside over comitia, convoke the Senate and start its session by their speech. Decemviri enjoyed wide judicial powers, presiding at the trials and acting as judges or prosecutors. In their practical activity decemviri could deprive some categories of citizens of their citizenship.

Decemviri's specific function was that of fixing laws in written form, based upon these magistrates' *summum imperium*. The Twelve Tables came into being as a result of this kind of activity. The author dates ten tables back to the first decemvirate, and two tables to the second one.

The author insists on extraordinary power to have not been sufficient for adopting the Twelve Tables. The first ten tables must have been published by the first decemvirate and voted at *comitia centuriata*. Publication and adoption of the two last tables are dated from the consulate of Valerius and Horatius.

There are some grounds to admit that the reform of the calendar by the second decemvirate was a historical fact.

Decemviri's immediate state activities can be regarded as exercising *summum imperium* in military and legal spheres as well as in civil administration.

⁸³ Demandt A. Antike Staatsformen. Eine vergleichende Verfassungsgeschichte der Alten Welt. B., 1995. S. 404.